

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР

XXX

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«НАУКА»

1999

Т. А. НОВИЧКОВА

АНТРОПОНИМЫ В ПЕСЕННО-ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ: К ИНТЕРПРЕТАЦИИ БЫЛИННЫХ ИМЕН

Современные формы и употребления имен, отчеств и фамилий имеют сравнительно небольшой возраст. До конца XVII в. в России наряду с церковными употреблялись древнерусские нецерковные имена, отчества и фамилии. В ходу были прозвища: третий сын в семье — Третьяк, подкидыш — Найдена, не вовремя родился — Неждан, похож на какое-то животное — Волк, Орел, силен и крепок — Дуб. Антропонимы по сути были названиями-метафорами, характеризовали человека по сходству с каким-нибудь предметом, существом, явлением окружающего мира.

Лишь с XVIII столетия старинные именования были вытеснены церковными именами, что, казалось бы, должно было привести к исчезновению той социально-природной гармонии, когда название предмета или явления мало чем отличалось от имени собственного. Но фольклор по-своему реагировал на утверждение христианских имен — он превращал их в названия: дней календаря (Герасим-грачевник, Конон-огородник, Матрена-полурепница — 4, 5 и 27 марта по старому стилю), вещей (загадка: «Два Анисима, четыре Максима, седьмая Софья» — спинка, ножки и сиденье стула), животных (Машка-коза, Васька-козел, Михайло Потапыч-медведь). Имена «льнули ко всякой всячине», как бы «опробовались», «обкатывались» в пословицах, загадках и поговорках на вещах и природных явлениях в традициях привычного мифологизирующего взгляда на мир. Так канонические и неканонические, чаще всего греческие по происхождению, имена врастали корнями в систему русского языка, находя постепенное обоснование в русском менталитете. Этот процесс был длительным и начался гораздо ранее XVII в. Он нашел свое отражение и в фольклоре — в разных жанрах по-разному.

Жанры, ориентированные на контакт с сакральным миром (заговоры, духовные стихи, обрядовые и религиозные песни), изобилуют именами святых, мифологических существ. Рассказы о крестной (легенды) и нечистой (былички) селе знакомят с высокой истиной Небесного Царства и с повадками демонов. Предания и исторические песни используют имена исторических личностей, называют конкретные фамилии. В жанрах, обращенных к внутреннему «я» человека или подчиненных запросам текущей действительности (балладах, лирических песнях, пословицах и поговорках), встречаются преимущественно поздние церковные имена. Очень сложен сказочный именослов — установка на занимательность требовала привлечения широкого спектра имен, от мифических Ягиши и Горынычей до современных Степанушек и Варварушек, от книжных Ларонтов до сатирических, выдуманных Какофеев, Обсеруся и Тороча.

В рамках настоящей статьи невозможно охватить именослов всех жанров русского фольклора. Проблема языка имен рассматривается здесь на материале лишь песенно-эпических жанров — былин и баллад — преимущественно в одном аспекте: как сложившиеся былинные стереотипы повлияли на про-

никновение некоторых былинных имен в балладу, каковы особенности функционирования этих имен в границах классического эпоса.

Древнерусские нецерковные имена лучше всего представлены в былинах — эпических песнях об эпохе становления государственности и православия. В народном восприятии это был «золотой век» прошлого, его герои мыслились образцовыми, идеальными представителями далеких времен, их имена были связаны с устойчивыми ассоциациями, приводившими к стереотипизации былинных образов. Среди таких героев былин — Буслай (варианты: Буслав, Буславей) — буйный славой, прославившийся; Соловей Будимирович, Добрыня, Садко (возможно, от «сад» — место, т.е. «местный» купец; в новгородских берестяных грамотах встречаются имена с этим корнем: «Содила», «Несодила»); Блуд — пришлый, много странствующий, от «блудить», «блуждать»; Чайна — чаянная, желанная; Козарин (вариант: Казарин) — из хазарских родов; Идолище (варианты: Издолина, Одолище, Удолище) — идол, иноческий болван; Любава, Забава — любимая, веселая; Ставр — обладатель знака-креста, «ставра», тавра, клейма, использовавшегося при заключении сделок, но, может быть, и «крещеный».

Эти имена были говорящими, характеризовали имущественное, социальное положение своих носителей, их личные качества. Двухосновные, сложные на -слав и -мир принадлежали князьям и боярам; одноосновные, простые (в былинах: Садко, Козарин, Сухман) — купцам, воинам-дружинникам, горожанам. Употребление отчества при имени было признаком благородного происхождения. Московские бояре боролись за право писаться полным отчеством, с -вичем; отставая свой -вич, готовы были идти и в опалу, и на плаху. Указ 1627 года разрешал -вич членам Боярской думы; со времен Екатерины Великой это право получили особы I—V классов (лица от VI до VIII классов имели право на полуотчество, остальные — лишь на имя).¹ В былинах многие герои носят отчество на -вич: Ставр Годинович, Волх Всеславьевич, Соловей Будимирович, Дунай Иванович, Василий Буслевич, Чурило Пленкович и т. д., что является лишним свидетельством в пользу теории «аристократического» происхождения старин или доказательством особого отношения к этому жанру в народе как к песням о событиях из жизни прославившихся представителей древнерусской знати.

Имя в эпосе — моментальная характеристика героя, имена старин тесно связаны с определенными сюжетами и типами. Есть имена, кочующие из былины в былину в силу своей общезначимости. Например, почетным именем матери героя было имя персидского происхождения — Амельфа (от «мамелхва» — мать). Многочисленны его варианты: Емельфа, Намельфа, Омельфа, Ванильфа, Мальфа, а также — Офимья Тимофеевна, Епестимья, Ефимья Александровна, Степанида Обрамовна, Авдотья Васильевна и некоторые другие. Обычно Амельфа имеет отчество Тимофеевна (от греческого мужского имени со значением «почтительный», «честный»). Так звали мать Добрыни, Василия Буслевича, в некоторых текстах — Ильи Муромца.

Впрочем, среди былин есть сюжеты, где матери богатырей не вызывают чувства особого уважения, и они носят другие имена. Это может быть прозвище по месту жительства — Латыгорка, мать Сокольника, поднявшего руку на спящего отца, Илью Муромца; именование по мужу: Блудовая жена, Часовая вдова — матери Хотена Блудовича и Чайны Часовичны, повздорившие на пирам и совершившие массу нарушений севернорусского этикета сватовства. На их одинаковость, двойничество, незначительность может указывать также общее именование по мужу: «две богаты две Часовые вдовы».² Во время спора имя мужа подвергается осмеянию: «Да муж-от был да у тя Блудищо, / Да и сын-от

¹ Карнович Е. П. Родовые прозвания и титулы в России. СПб., 1886. С. 37.

² Гильфердинг А. Ф. Онежские былины. М.; Л., 1951. Т. 3. № 308.

родилося уродище».³ Именования по мужу, часто без собственного женского имени, в Древней Руси были характерны для женщин незнатного происхождения. Новгородские переписи XVI—XVII вв. писали так большинство горожанок: Поюлжая (жена Полюда), Завижая (Завида) и т. д.

Иногда, если отчества не было вовсе, его заменяло прозвище. В былинах герои такого типа занимают подчиненное положение по отношению к главному герою либо противопоставлены ему: Костя Новоторженин, Потанюшка Хроменький — простые новгородцы, набранные в дружину Василия Буслаева. Именные образования с суффиксом *-к-*, обладая уничтожительным значением, часто сочетаются с прозвищами: Васька-пьяница (надо бы: Васька Пьяница) — богатырь, пропивший коня и доспехи, готовый перейти на сторону врагов Киева, но волей случая оказавшийся его спасителем; Маринка (Маришка)-потравница/ненавистница — чародейка, любовница Змея в былине «Добриня и Маринка»; Таракашка-гость, заморенин — придворный интриган при дворе царя Василия Окуловича.

Чрезвычайно разнообразны имена вражеских царей, они вобрали в себя переживания разных эпох. Каждое следующее поколение сказителей, бережно сохраняя в целом имена богатырей «своего», киевского, новгородского мира, адаптировало иноязычные имена, приспособливая их к обстановке и вкусам нового времени. Стабильность мира предков тем самым противопоставлялась врагам вообще — близкого и далекого прошлого. Чем дальше вглубь веков отодвигались события татаро-монгольского нашествия, тем определенное татарские имена изменялись в сторону сближения их со сказочными или поэтическими христианскими именами. Так, вместо Тугор-хана, тестя Святополка Изяславича, в былине об Алеше и Тугарине появляется «чудо поганое собака Тугарин Змееевич», вместо Калина-царя (очевидно, от Каликинского, Калцкого побоища) — Каин-царь. Соотнесенность татаро-монгольских предводителей с гонителями христиан выразилась также в именовании Калина-царя Кудреванкой от Кудриянище — «царь басурманской земли», мучитель святого Георгия.⁴

Наиболее значимые тюркские имена становятся антропонимами-мифами, вбирают в себя самые разнообразные фольклорные представления о дальних странах и «дивиих», т.е. удивительных, чудовищных, живущих на Востоке или на краю земли народах. Имена Мамая и Батыя переросли границы былинного жанра. В колыбельных песнях Мамай — чудовище, пожирающее детей:

Баю-бай, баю-бай,
К нам приехал Мамай,
Просит — Арсеньку отдать.⁵

Впрочем, в приведенном примере «Мамай» может восходить к тюркизму «тат» — в монгольском бранное «черт»; в татарском языке «татаи» — чудовище, пугающее детей.⁶ Поговорки и фразеологизмы типа: «Мамай воевал», «Мамаево побоище» по сей день характеризуют беспорядок, разгром, разрушение. Мысль о Востоке вообще воплотилась в имени Батыя: в Тамбовской и Тульской губерниях в XIX в. «Батыевой дорогой», путем на Восток называли Млечный путь — созвездие, исходящее из железных гор, где заключены татары.⁷ Эту же «дорогу» называли Моисеевой.

Мифологичность восприятия тюркских имен отразилась, например, в детском фольклоре, где появляется не просто «Мамай», а «бабище Мамаишна»,

³ Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни. СПб., 1910. Т. 3. № 69 (373).

⁴ Бессонов П. А. Калики перехожие. М., 1861. Вып. 1—3. С. 468.

⁵ Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983. С. 88.

⁶ Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979. С. 222.

⁷ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1869. Т. 3. С. 285.

у которой «головище с дощанище, глазища с пивные корцы».⁸ И все же в народе сохранялось подлинное значение этих имен и, попадая в русскую речь, они оставались говорящими. Превращение «Мамая» в пугало для детей опирается не только на исторические переживания. Не менее показательна замена имени легендарного царя Курдеванки на былинного Кургана-царя от тюркского курган — укрепление, крепость, в русском языке — человек высокого роста и могучего телосложения.⁹

Некоторые былинные имена кажутся безусловно русскими по происхождению, но при ближайшем рассмотрении они могут быть сближены с тюркизмами. Общепринятым является объяснение имени фантастического зверя русских «физиологов» — Индрика-зверя (в духовных стихах Вындрик, Белояндрик, Кондрык, Единорог) — из инрог, единорог. Но известно, что Индрис, выходец из цесарских, реже — латинских, земель, является родоначальником «для целого ряда русских фамилий», в том числе Тухачевских, Дурново, Толстых. В гербах этих родов изображены ключ, стрела, ятаган, крыло (у Тухачевских — гриф).¹⁰ Эпическая песня об Индрике не сюжетна, по замыслу она напоминает гимн-восхваление пришедшему из Индей-земли могучему прекрасному зверю, в описании которого используются близкие к геральдическим образы-эмблемы. В основе такой песни могла лежать слава в честь фамильного предка Идриса, Индриса, имя которого восходит к арабскому «идрис», в свою очередь произошедшего от греческого Андрей — «мужественный», «храбрый».¹¹

Этимология имени Хотен также может быть уточнена в связи с распространностью в России топонимов и фамилий, образованных от тюркского «köten» — прозвищное имя, дававшееся ребенку в год свиньи (буквально: «прямая кишка»). Им часто называли человека, имеющего слишком высокое мнение о себе, гордеца. Именно такой образ присутствует в былине: Хотен (в вариантах — Горден, Котенко), оскорбленный отказом невесты, жестоко мстит ее семье, затем требует выкупа за невесту и глумится над нею. К этому имени-прозвищу, возможно, восходят названия многих населенных пунктов Черниговской, Калининской, Ярославской областей (Хотин, Хотеново, Хотенцово), старинные родовые фамилии Котениных, Хотянцевых, чьи предки были выходцами из Орды.¹²

Иноязычные по происхождению имена чаще, чем собственно русские, вовлекаются в традиционно не связанные с определенным образом-типов эпические песни. Известен один полный сюжет с Дюком Степановичем в главной роли о приезде индийского гостя в Киев и его состязании с Чурилой Пленковичем. Имя героя произошло из титула «дука» (от латинского *dux*), который давался византийскими императорами пограничным наместникам. От Византии усвоили его венгры, а также сербы, в эпической поэзии которых это имя часто встречается (Дука Станкович, Дука Херцеговец). В отчестве Степанович можно видеть указание на венгерских королей Стефанов и многочисленных Стефанов — царедворцев, военачальников, великих дуков — византийцев, венгров и сербов XII в.¹³ В украинском фольклоре «дук», «дука» — вообще название богача, вельможи. Говорящее имя и сюжетный замысел былины, представивший тип сказочного богача и непревзойденного щеголя, оказал влияние на создание нового образа идеального жениха, победителя, каким он (жених) обычно изображается в свадебных величальных песнях:

⁸ Черепанова О. А. Мифологическая лексика... С. 88.

⁹ Баскаков Н. А. Русские фамилии... С. 87.

¹⁰ Там же. С. 201—202.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 145, 101.

¹³ Лященко А. И. Былина о Дюке Степановиче // Изв. Отд-ния русского языка и словесности Академии наук. Л., 1926. Т. 30. С. 66, 67.

Как Иванушка богат, богат живет,
 Свет Степанович богат живет,
 Ой ли, ой люшеньки, люли!
 Он из гривенъя на гривенъку ступает,
 Со полтинничком по улице гуляет,
 Целковиком вороты запирает,
 По пяти рублей девушек дарит.¹⁴

Сцена благословения в начале былины о Дюке также способствовала формированию образа Дюка-жениха, иногда силой добывающего себе служную. По приглашении гостей в дом невесты дружка просит благословения для «князя новобрачного» у родителей жениха:

Новобрачной князь собирается,
 Во цветно платье одевается,
 Стоит на резвых ногах,

просит благословить из-за «ествиц из-за сахарных» «ко добру коню притти», «с широка двора съезжать», в чистое поле выехать.¹⁵ В быльне:

А оградоцька у Дюка кругом двора —
 Кабы трыста столбов серебреных,
 А четыреста столбов было позолочено,
 Ишша медных, железных числа-смету нет...
 Ишша просит тут Дюк благословленыице
 Со буйной головы да фплоту до резвых ног
 Ишша съездить бы Дюку ф красен Киев-град...
 А пошел он тут, Дюк, да на конушен двор,
 Выбирал сибе коницька-та доброго.¹⁶

В эпосе портретное и ситуационное сходство с князем-новобрачным приводит к замене имени Хотена — Дюком: «У той же вдовы Огородниковой был единий сын — Дюк Степанович», который женится на дочери Садовой и едет «по Индее по богатыи», собирая князей-княгинь «к себе на свадебку».¹⁷ Дюк может быть представлен женихом, дарящим перстень, которому цены нет. Затем он увозит невесту в Индию.¹⁸ Или после боя с Гусинко Пленковичем Дюк похищает прекрасную царевну из Киева.¹⁹ В поздних записях вся поездка Дюка описывается как сватовство к племяннице Владимира. Согласно принятым правилам, Дюк намеками сообщает о цели поездки (они охотились за кунами и упустили их, ловили рыбу в Днепре) и, не получив отказа, оставляет отцу невесты богатые подарки («Сватовство богатырей»). На мотивах былины о Дюке оказывается построенным полный, многоэпизодный рассказ о свадьбе — начиная со сцены предварительного обсуждения качеств будущей невесты и кончая проводами довольных подарками гостей («Как Дюк Степанович женился на Марфе Митревне»).²⁰ Так имя Дюка становится мифом, символом, воплотившимся в разных песенно-эпических сюжетах, объединенных общей брачной темой.

Иные мифологизирующие возможности заложены в именах и образах основных наиболее популярных богатырей. Илья, Добрыня, Алеша также становятся героями поздних, иногда небылинных, песенных и прозаических,

¹⁴ Терещенко А. В. Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. 2. С. 318.

¹⁵ Там же. С. 185.

¹⁶ Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни. Прага, 1939. Т. 2. № 51.

¹⁷ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Петрозаводск, 1990. Т. 2. № 215.

¹⁸ Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 года А. В. Марковым, А. Л. Масловым, Б. А. Богословским // Тр. Музикально-этнографической комиссии при Этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1908. Т. 1. № 7. С. 43—47.

¹⁹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. № 206.

²⁰ Былины М. С. Крюковой. М., 1939. № 55, 56.

повествований, но в них, как правило, не нарушаются особенности былинного стереотипа. Князь Владимир везде — князь, и в Киеве, и в Новгороде (в былинах о Хотене он выполняет традиционную роль арбитра, главы застолья). Обманщик Алеша, хитростью решивший отнять жену Добрыни, им и остается в старине об Алеше и сестре братьев Збродовичей. Илья никогда не переступит границы своего почтенного возраста и не станет героем любовного авантюристо-новеллистического сюжета.

Наиболее обобщенным образом русских былин является князь Владимир: Владимир киевский, стольне-киевский, ласковый, красно солнышко, батюшко князь, наш князь стольне-киевский, дядюшко Владимир-князь, свет государь — в «эпическом формуляре» князя Владимира его обозначения могут быть как единичными, так и типизированными (в разных собраниях текстов), реально-историческими (князь, великий князь) и художественно-эпическими (ласков, свет). Самые распространенные сочетания и вместе с тем наиболее обобщенные: киевский и солнышко.²¹ Они непосредственно указывают на соотнесенность этого образа с золотым, солнечным веком — киевской порой, временем героических подвигов начала русской истории. Владимир — «вывод исторических переживаний народа», «эмоциональное восприятие имени „Владимир миром“», дающее возможность появления форм «Благодимир» (от «благо») и солнышко Числаев, Лучиславьев.²²

Отчество исторического князя Владимира Святославича появляется в былинах трансформированным, преобразованным в «говорящую» форму Всеславьевича. В то же время исторический эпитет «святой» в былинах не встречается. Святым не назван и Илья, очевидно, в силу жанровой специфики эпоса. Будучи героическим по содержанию, он не развивал легендарно-христианских тем, не искал религиозных мотивировок действий, событий, имен.

Обобщающая роль киевского князя сказалась прежде всего в его пассивной функции «центра». Он владеет миром без всяких усилий. В Киев к столу Владимира просто съезжаются могучие богатыри из Рязанской, Муромской, Галицкой земель, из западной, Литовской стороны и далекой Индии. Войдя в возраст и ощутив в себе огромную силу, богатыри как будто не могут не «ехать в Киев-град к князю Володимеру на поможение и на сбережение».²³ Достаточно «заложиться за князя Володимера», чтобы «постоять за веру христианскую». Во Владимире воплощена идея княжеской власти как отцовской: «Принимаешь ли сильных могучих богатырей тебе, батюшке, на почесь-хвалу, твоему граду стольному на изберечь, а татаровьям на посеченье?» — спрашивают богатыри, приехав в Киев.²⁴

Владимир существует в былинах как олицетворение всего киевского времени, поэтому в эпосе нет развернутой биографии князя (за исключением подробного повествования о его женитьбе). Нигде не говорится ни о рождении, ни о смерти князя. Владимир вечен так же, как эпический Киев, находящийся в пространстве идеального былинного века.

Противоречивость образа князя Владимира, обладающего огромной притягательной силой, собравшего на пиру весь мир — от князей-бояр до крестьян, — и в то же время иногда трусливого, обманутого или несправедливого обусловлена сюжетным заданием той или иной былины, обычно повествующей о каком-нибудь конфликте, в том числе и о споре дружинника с князем. Концепционно эти столкновения проис текали из общего понятия о князе как земном судье, устроителе семейных, военных, организационных государственных дел.

Устойчивыми, характерными для образов-типов чертами, именами-мифами, легко узнаваемыми в разных эпических жанрах, несущими определенный

²¹ Гацак В. М. Устная эпическая традиция во времени. М., 1989. С. 40—56.

²² Кондратьева Т. Н. Собственные имена в русском эпосе. Казань, 1967. С. 46.

²³ Песни, собранные П. В. Кириевским. М., 1868. Ч. 1. С. 25.

²⁴ Там же. С. 34.

«замысел», заданный былиной, обладают и главные герои эпоса — Илья, Добрыня, Алеша. Былинного Илью характеризуют четыре основных качества, каждое из которых является как бы продолжением предыдущего, находя в нем свое обоснование. Илья стар, он всегда прав, он — победитель, он — судья, ему принадлежит право карать и миловать, не считаясь ни с родственными («Подсокольник»), ни с социальными («Илья в ссоре с Владимиром») связями. Старость Ильи — в былинах он «старая старынишина», «старый казак», «богода-то у старого седым-седа, / А голова-то у старого белым-белы»²⁵ — соответствует функции былины как песни о стародавних временах («то старина, то и деяние»). Таким образом, Илья в наилучшей степени отвечал жанровым задачам былины. С другой стороны, идеализация старины и преклонного возраста соответствовала феодальному шаблону оценки, основанному на принципе «отцов и детей», на стремлении опереться на старину в решении вопросов государственной, семейной и общественной жизни. Такая установка определила авторитет Ильи, его превосходство над всеми «младшими» — от богатырей до князя.

Как бы высоко на социальной лестнице ни находился князь Владимир, он молод, в некоторых сюжетах еще не женат («Дунай сватает невесту Владимиру»). Красной нитью через многие былины проходит мотив опеки, а порой и издевки над князем:

Падал тут князь на коленки
Перед старым Ильей Муромцем,
Да низко ему поклоняйтце:
«Уж ты Батюшко наш старый Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович,
Пособи-тко мне думу думати,
Думу думати да горе мыкати!»²⁶

Символичен сюжет «Бунт Ильи против князя Владимира», где богатырь унижает князя тем, что снимает с киевских церквей золотые купола и отдает их в кабак в обмен на вино для городских голей. Таков суд Ильи, увидевшего в поведении князя пренебрежение к преданной дружине, к истинной вере и старины. Только авторитетом Ильи в восприятии слушателей может быть оправдан такой поступок.

Идеальное сочетание мудрости, бескорыстия, опыта и громадной, сакрального происхождения силы (от пены Святогора или напитка святых старцев) выдвигало Илью не только на роль дружинного атамана и бессменного защитника Киева, но и на роль святого. Вряд ли можно быть уверенным в том, что святой Илья Муромец, чьи мощи хранятся в Киево-Печерской лавре, и былинный герой — одно и то же лицо, но народная молва их идентифицирует. В орловском поверье мотивы биографии Ильи переплетены с жизнеописанием Ильи пророка. Устрашась силы Ильи, Бог велел ему посидеть под землей шесть недель, а затем одарил колесницей, громом и молнией — оружием против нечистой силы. В этой легенде особая роль отведена Илье как вестнику судных дней: перед концом света он спустится на колеснице на землю и трижды объедет ее, предупреждая всех о Страшном суде.²⁷

Победитель и судья — эти качества неотделимы от представлений об Илье Муромце, как и об Илье пророке, что в целом отразилось на восприятии имени Ильи в русской культуре: ему свойствен оттенок некоторой исключительности. Это имя нечасто встречается как среди аристократических, так и крестьянских имен в XVII—XIX вв. Его проникновение в разные фольклорные жанры обусловлено связью с былинным (в сказках и преданиях об Илье

²⁵ Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни. СПб., 1910. Т. 3. № 64.

²⁶ Астахова А. М. Былины Севера. М.: Л., 1938. Т. 1. № 12.

²⁷ Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 484—485.

Муромце) и легендарным христианским (в легендах, духовных стихах, обрядовых песнях, пословицах и поговорках народного календаря) образами.

Имена младших богатырей эпоса, будучи связанными с многочисленными новеллистическими сюжетами, часто используются в старинах балладного характера. Трагичность баллады, ее концентрация на проблемах жизни обычновенного человека московской эпохи, интерес к семейным, брачным, любовным конфликтам служили основой перемещения имен Дуная, Добрыни, Чурилы, Василия Буслаевича, Алеши Поповича в балладные сюжеты.

Алеша, герой новеллистической старины «Алеша Попович и сестра Брововичей», неудачливый жених в былине о Добрыне и Алеше, предстает неудачливым любовником Елены (Алены), Настасьи, Анны Петровичны (имя девушки, как это свойственно балладе, варьируется): сестра обесчещена и иногда платит жизнью за связь с Алешей. Происходит сближение образов Казарина, «испорченного на родиноках», судьба которого складывается неудачно — ему суждено быть изгояем, одиноким героем, — с Алешей Поповичем. Как и Казарин, Алеша выручает из плена девушку, но она оказывается его родной сестрой, и Алеша холостым возвращается «к своему батюшке, что к тому ли попу Ростовскому».²⁸ Все три сюжета в народном восприятии могут быть сгущены до пословичного изречения: «И три раза Алешка женатый был, и ни разу Алешка с женой не спал», или: «Здравствуй, женивши, да не с кем спать». Имя Алеши проникает в хороводные игровые песни, сохраняя свое песенно-эпическое мифopoэтическое значение: отказывая молодцу, девушка «извиняется перед ним за то, что „прости“ сказала: „Я думала, что поповский сын, что поповский сын, вор Алешенька“». Собственное имя Алеша переходит в нарицательное в поговорке „алешки подпускать“, т. е. лгать, хвастать».²⁹

Традиционные былинные мотивы, соотносимые с тем или иным героем, создавали мифopoэтическое притяжение их имен в балладные, песенные сюжеты, где имелись близкие былинным ситуации. Так, мотив купания Добрыни, испытание, которому он подвергся, заплыв за третью струю, повлиял на использование его имени в балладе о молодце и реке Смородине, где сама водная стихия персонифицируется в образе девушки-реки, губящей хвастливого молодца. Ближайшей параллелью к «Молодцу и реке Смородине» является румынская героическая песня о Йоване, едущем на бой со змеем и просящем переправы у реки Черны. На обратном пути река губит его по проклятию сестры Йована.³⁰

Поездки Дуная, Добрыни, Василия Буслаевича в западные, «латынские» земли явились теми мотивами, которые спровоцировали проникновение имен этих былинных героев в баллады о молодце и королевне, молодце и худой жене, где действие происходит на чужбине.³¹

Неверность жены Добрыни подтолкнула исполнителей к использованию имени богатыря в балладе «Молодец губит неверную жену по наговору».³²

Гораздо реже в балладах появляется имя Ильи Муромца, причем исключительно в воинских, героических сюжетах или сюжетах о великих полководцах. Даже в том случае, когда Илья Муромец становится героем сюжета освобождения девушки из татарского плена, тема брака, возможного с избавленной от

²⁸ Былины и исторические песни из Южной Сибири / Записи С. И. Гуляева. Новосибирск, 1939, № 31.

²⁹ Кондратьева Т. Н Собственные имена в русском эпосе. С. 54.

³⁰ Румынская народная поэзия: Баллады. Героический эпос. / Сост. В. М. Гацак. М., 1987. С. 47—53. Исследование сюжета. см.: Путылов Б. Н. Песня «Добрый молодец и река Смородина» и «Повесть о Горе-Злочастии» // Тр. Отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. М.: Л., 1956. Т. 12. С. 226—235.

³¹ Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихонравова, В. Ф. Миллера. М., 1894. № 60 (с Василием Буслаевичем).

³² Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. / Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. СПб., 1898. Т. 1, вып. 1. № 896.

плена девушкой, опускается. Старина сближается с разбойничими балладами о дележе добычи («дуване»):

«А как поехал стар казак Илья Муромец ... во чисто поле к трем неверным богатырям», три татарина делят «казну Микольскую» и на третий пай «кладут красну девицу», которую Илья освобождает и отвозит к отцу-матери.³³ В известную балладу о рождении Александра Македонского («Не во славном было во городе Вавилоне») образ Ильи вводится как образ свидетеля знаменательного события — мать кладет новорожденного Александрушу на «белогорюч камень» на краю синего моря,³⁴ откуда ему сужено вернуться и стать великим завоевателем. Стереотип образа судьи и победителя сохранен балладой.

Язык песенно-эпических имен не случаен: мифопоэтические, мировоззренческие ориентиры былин во многом определяют использование былинных имен в балладах. В то же время балладные имена в своей совокупности отражают более поздний по сравнению с былинами пласт русских имен. Большинство балладных имен — церковные, христианские. Особенности их использования в этом жанре связаны с игрой разными формами имен: Ваня, Ванька, Ванюша; Марья, Марьушка; Катерина и Катенька и т. д. Уничтожительные, ласкательные оттенки одного и того же имени (например, в балладе о Ване-ключнике) характеризуют героя в разные моменты его балладной биографии, вызывают сочувствие к нему или неприязнь. Но мифопоэтический язык балладных именований — особая тема, требующая специального рассмотрения.

³³ Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни. З. № 6.

³⁴ Русские былины старой и новой записи. № 8.